

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОДА ЖЕСТОКОСТИ В ГЕНДЕРНОЙ СФЕРЕ В ВАРВАРСКОМ И РЫЦАРСКОМ ОБЩЕСТВАХ

Рассматривается проблема жестокости варваров и рыцарей в гендерной сфере. Авторы используют технологию полидисциплинарного синтеза, имеющей фокусом бессознательное, для реконструирования природы гендерной жестокости, а также для того, чтобы проследить, как в западноевропейском средневековом обществе обозначилась трансформация в отношении мужчин к женщинам. Именно в Западной Европе эта трансформация была более динамичной, нежели в других цивилизациях.

Ключевые слова: жестокость; Западная Европа; Средние века; полидисциплинарный синтез; гендерная сфера.

Согласно К. Марксу критерием гуманизма может служить характер отношения мужчины к женщине, так как в нем «проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта то, насколько стала для человека природой человеческая сущность или насколько природа стала человеческой сущностью человека» [1. С. 97].

С. Лем в одном из своих интервью говорил, что современный человек, несмотря на видимую рациональность и цивилизованность, на 90% остается все той же обезьяной, управляемой природными инстинктами и влечениями. Но он в этом же интервью подчеркивал, что как бы ни была хрупка наша цивилизованность, как бы ни косметически выглядели нормы, наработанные культурой, они столь важны, что их вряд ли можно переоценить. И именно в сфере сексуальности видно, насколько серьезные культурные приобретения сделал человек.

Очевидно, что процесс обретения культурной оснастки сексуального поведения имел и имеет специфически различные формы выражения в разных обществах на разных этапах их развития. Эти формы тесным образом связаны со всем стилем жизни людей и культур и представляют собой часть той системы социальных связей, которые опосредованы друг другом – отношений власти, собственности, климато-географического и демографического ландшафта, религиозных представлений. Причем важно иметь в виду, что, несмотря на изменения тех или иных культурно-психологических установок сексуального поведения в обществах, в них остается некий наработанный традицией пласт, который отсылает нас к его истокам. В связи с этим попробуем рассмотреть процесс трансформации историко-психологического кода жестокости в гендерной сфере, используя методологические ресурсы полидисциплинарной технологии [2].

Упоминание о женщинах встречается в источниках, отражающих варварский период, редко. Однако их достаточно, чтобы выявить авторитарно-патриархальное сознание варвара. К ним относятся следующее: долгое сохранение у знати обычая иметь наряду с женой сожительниц (даже у простых скандинавов имелось нередко по две-три жены), жестокое в сравнении с мужчиной наказание женщины за прелюбодеяние, проявление жестокости по отношению даже к знатым женщинам и целый ряд других примеров. Стремление доминировать, подчинять женщину в гендерной сфере, включая такую важную ее составляющую, как сексуальность, восходит к самым архаическим истокам идентичности варвара. Поскольку обо-

ротной стороной такого стремления к господству был страх перед более сильным или базальная тревожность по поводу возможной утраты своего превосходства, то в качестве своеобразной антитезы ему являлся поведенческий код, связанный с неосознанно демонстрируемой жестокостью. Указанные установки носили фиксированный характер и со временем превращались в определенные обычаи или традицию (например, сложившаяся неписаная традиция добывания жен, связанная с практикой агона).

В источниках варварского периода встречается множество непосредственных примеров жестокого отношения к женщине, главным образом в сагах. Обратимся, например, к «Саге об Эгиле». Однажды шла игра в мяч: Эгиль с Тордом играли против Скаллагрима (отец Эгиля). К вечеру игра у мальчиков пошла хуже и Скаллаgrim «поднял Торда и швырнул его оземь, что переломал у него все члены, и тот сразу умер. После этого Скаллаgrim схватил Эгиля». Но за Эгиля вступилась служанка Брак: «Озверел ты, Скаллаgrim, на собственного сына бросаешься!» Тогда Скаллаgrim отпустил Эгиля и бросился на служанку. Она побежала, Скаллаgrim – за ней. Она прыгнула со скалы в пролив, а он «бросил ей вслед большой камень и попал ей между лопаток. После этого она больше не выплыла» [3. С. 132].

В начале меровингской эпохи приоритет знатного происхождения женщины вступает в серьезные противоречия с традицией ее подчинения, характерной для варварского периода [4]. Известна история сватовства Меровинга Хильперика к вестготской принцессе Галсвинте. Соперничество с братом, конунгом Сигибертом, имевшим, в отличие от него, женой не простолюдинку, а девушку тонкого воспитания, благородную, побудило Хильперика посвататься ко второй дочери вестготского короля. Сватовство и последующая женитьба Хильперика на Галсвинте завершились тем, что в конечном итоге «он приказал слуге удушить ее» [5]. И спустя немного дней он вернулся к своей наложнице Фредегонде. Случай такого обращения с женой был нередким в варварском мире. Однако следует отметить, что прямолинейная чувственность перестала уже быть единственной определяющей компонентой отношения варвара к женщине. Знатность рода, династические связи, верность слову постепенно теснили природную данность и оцивилизовывали варварское общество. В данной истории для нас важен механизм, с помощью которого цивилизация закрепляла новые гендерные установки, связанные с практикой уважения брачной партнерши, при-

знание за ней определенных прав. В случае с Хильпериком виден пример гендерного оцивиличивания в следующих событиях. Сигиберт объявил брату войну, в которой «повинны» были и желание Брунгильды отомстить за злодейскую смерть сестры, и стремление австразийского короля повергнуть своего соперника, и жажда добычи тех, кто встанет под руку Сигиберта. В итоге Хильперик был призван к суду и обвинен в преднамеренном убийстве Галсвинты. Он был обязан вернуть сестре убиенной королевы «утренний дар» в виде нескольких городов.

То, что у франков в эту эпоху статус женщин де-факто и де-юре был выше, чем у многих народов эпохи варварских королевств, имеет под собой достаточно веские основания, корнящиеся в исторической логике генезиса франкского королевства. Высокий статус женщины в королевстве франков был связан с быстротой и относительной плавностью оформления диалога пришлого элемента завоевателей франков с завоеванным населением романизованной Галлии. Именно в этом бродильном котле, в котором выплавлялся «брачный союз» завоевателей и завоеванных, закладывались условия для нового гендерного диалога, оплодотворенного культурой обеих сторон. Более того, унаследованные от предшествующей цивилизации культурно-религиозные ценности и установки, как, скажем, этическая максима единобрачия, с трудом укоренившиеся в ту сложную эпоху даже в среде галло-римской знати, именно благодаря сложившейся социальной структуре взаимодействия элит имели шанс окрепнуть и дать жизнь новым гендерным практикам, дисциплинировавшим витальную безграничность сексуальных влечений. А стало быть, пусть не последовательно, медленно наращивать установки, связанные с ослаблением жестокости.

Разноплановый источниковый материал Средневековья («Песнь о Нибелунгах», Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», средневековые романы и повести) дает множество сюжетов, несущих на себе печать архаических установок гендерного поведения. Это показывает, к примеру, историко-психологический анализ такого «бродячего сюжета», как легенда о съеденном сердце: поэт полюбил жену своего сеньора, написал ей кансону и поплатился за свою любовь сердцем. «И когда эн Раймон де Руссильон услышал про кансону, которую сложил Гильем для жены его, он призвал Гильема явиться к нему... и отрубил ему голову, и положил ее в охотничью сумку, а сердце вырезал из тела и положил вместе с головой. Вернувшись же в замок, он приказал изжарить сердце и подать его на стол жене, и заставил ее съесть его; а она не знала, что она ест. Когда же кончила она есть, встал эн Раймон и сказал жене, что съела она сердце Гильема де Кабестаня, и показал голову, и спросил ее, пришлось ли сердце Гильема ей по вкусу... Кинулся на нее эн Раймон с мечом, она же побежала от него, бросилась с балкона и разбила голову» [6. С. 587].

Однако вся структура социальных полей западноевропейской средневековой цивилизации способствовала раннему вынужденному репрессированию анализируемого кода в гендерной сфере (в этом смысле показателен, например, диалог таких знаменитых персонажей средне-

вековой истории Англии указанного периода, как Генрих II Плантагенет и его жена Элеонора Аквитанская).

Особенно прозрачно трансформация гендерного кода видна на уникальном, сформировавшемся именно в средневековой европейской цивилизации культе Прекрасной Дамы и возникшей так называемой куртуазной любви, которая имела воспитательное значение. Выражение сексуальных устремлений мужчин становилось менее агрессивным и опасным, ослабились насилие и грубость в сексуальном поведении мужчин. Распространение культа Прекрасной Дамы именно в западноевропейской цивилизации не было случайно. Лежавшая в основе куртуазной игры «интрига», когда молодой вассал воспалялся любовью (а на деле похотью) к жене более сильного и властного сеньора, могла возникнуть лишь в феодальной иерархии, где властная дистанция между агентами социального поля не была столь большой.

Можно проиллюстрировать сопутствующий этому процессу механизм изживания жестокости в гендерных отношениях, сопоставляя несколько источников. Не останавливаясь на тех многочисленных поэтических формах, которые были проанализированы в этом ракурсе исследователями, обратимся к роману «Тристан и Изольда». В одной из версий романа мы видим, как постепенно формируется опыт сдерживания вспыльчивости, стремления наказать жену за измену со всей жестокостью, который первоначально не осознавался человеком, но «закреплялся» в сознании как ценность. Обманутый король Марк отправляется в погоню за любовниками – племянником и вассалом Тристаном и молодой женой Изольдой – которые нанесли ему столь большое оскорбление. Оказавшись у шалаша, в котором решили укрыться уставшие любовники, Марк видит, что «она рубашки не сняла, раздельны были их тела». Короля охватывает смятение, которое свидетельствует о том, насколько изменилось, по крайней мере в идеале, отношение к «свободной любви». Конечно, Марк раздумывает, помиловать или убить влюбленных. Но сам факт того, что муж убеждает себя словами автора в истинности высокого чувства («они в лесу живут давно и знаю твердо я давно, когда б обоих похоть жгла, Изольда б голая легла. И меч из смертоносной стали между собой бы класть не стали»), свидетельствует о наработке новых установок, показывающих оцивиличивание гендерных отношений. Важно определить причину, почему король так поступил. Спецификой социально-политического поля западноевропейского Средневековья было наличие равновеликих агентов. Прямое столкновение короля с Тристаном могло быть чревато потерей лица короля в глазах общества, ведь тогда он допустил бы со стороны Изольды возможность выбора в пользу соперника, который тем самым оказывается в положении знаково более сильной фигуры. Возможность другого выбора также имела под собой историческую почву. При всем неравноправии женщин с мужчинами в феодальном обществе, здесь ее свобода проявилась ранее всего, так как была связана с возможностью наследовать родительский феод в случае отсутствия мужских наследников.

Гендерная эволюция носит не примитивно-прямолинейный характер, а кустовой, поэтому мы не можем говорить о полном изживании жестокости в гендерной сфере, так как в определенные кризисные ситуации в обществе происходили «откаты» назад, к примитивной жестокости. Тем не менее приведенные примеры дают основания для следующего вывода: в западноевропейском средневековом обществе обозначились изменения в отношении к женщине, которые повлияли на трансформацию жестокого поведения в отношении к ней. Накопленный багаж исторического знания вполне позволяет наметить общие контуры опорных линий, которые в конечном счете и определили специфику развития европейского общества. Воспользовавшись теорией единой нефиксированной установки Узнадзе, мы имеем возможность интерпретировать этот процесс мутаций как динамически меняющуюся конфигура-

цию накапливаемых установок, имеющих тенденцию аккумулироваться на базе типологически близких образцов и закрепляться как следствие длительного опыта. Западная Европа имела историческое преимущество: становление средневековой цивилизации и сословий происходило здесь при наличии культурно-психологического наследия традиций взаимоотношения с властью античного типа, переданных Западу в виде не столько готовых институтов, сколько реальных поведенческих и ментальных практик. Более того, сформировавшееся пространство социальных полей, благодаря синтезу варварской и римско-провинциальной знати, структурировалось таким образом, как сказал бы Бурдьё, что их агенты были относительно равновеликими. В ходе их столкновений накапливались и установки, работавшие на механизм изживания жестокости, свойственного авторитарной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956. 689 с.
2. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. 410 с.
3. Saga об Эгиле // Исландские саги. М.: Гослитиздат, 1956. С. 61–252.
4. Николаева И.Ю. Французская гендерная идентичность в историко-культурном интерьере: истоки и особенности // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2002. № 4. С. 223–254.
5. Турский Григорий. История франков. М.: Наука, 1987. 474 с.
6. Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. 734 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июня 2015 г.

TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL CODE OF VIOLENCE IN THE GENDER SPHERE IN THE BARBARIAN AND CHIVALRY SOCIETIES

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 119–121. DOI: 10.17223/15617793/398/19

Nikolaeva Irina Yu. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: percka@mail.ru

Levashkina Zoya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zoyagulik@sibmail.com

Keywords: cruelty; Western Europe; the Middle Ages; interdisciplinary synthesis; gender sphere.

The process of attaining cultural sets of sexual behavior had and has specific forms of its expression in different societies on various stages of their development. Despite the changes of cultural and psychological attitudes in societies, they still have a certain culturally accumulated layer that sends people back to its roots. According to K. Marx, men's attitude to women can be the criterion of humanism. In this connection, the authors examine the transformation of the historical and psychological code of cruelty in the gender sphere applying the methodological resources of interdisciplinary technology which was elaborated in Tomsk Methodological and Historiographic School. A woman is rarely mentioned in the historical records that reflect the barbarian period. Moreover, it is possible to list a lot of facts showing the barbarian authoritarian structure of consciousness. The tendency to dominate, oppress a woman in the sexual sphere, including its important component – sexuality, goes back to the archaic roots of the barbarian's identity. As the fear of a more powerful individual or basal anxiety to lose superiority was the reverse side of striving for domination, the behavioral code connected with unconsciously demonstrated cruelty is its peculiar antithesis. The mentioned attitudes had fixed features and in the course of time they changed into some customs or traditions (e.g., the unwritten custom of getting wives that was connected with the practice of agon). Diverse medieval historical records show a great number of scenes containing the archaic attitude of gender behavior (e.g., the legend of the eaten heart). However, the structure of social fields of West European medieval civilization promoted earlier enforced repression of the present code in the gender sphere. The transformation of the gender code is transparent in the unique cult of the Beautiful Lady and the so-called courtly love. The expression of men's sexual aspiration was becoming less aggressive and dangerous; violence and rudeness weakened. The gender evolution does not have a primitive and straightforward character but a local one; that is why one can not speak about complete elimination of violence in the gender sphere. Nevertheless, the examined and interpreted material in the view of the selected research strategy gives the grounds to assert that in the European medieval society the modifications of attitude toward women took place. These modifications influenced the transformation of ruthless behavior in relation to woman. The authors conclude that this transformation was more dynamical in comparison with other civilizations.

REFERENCES

1. Marx, K. (1956) *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Politizdat.
2. Nikolaeva, I.Yu. (2010) *Polidistsiplinarnyy sintez i verifikatsiya v istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification in history]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Anon. (1956) *Saga ob Egile* [Egil's Saga]. In: Steblin-Kamenskiy, M.I. (ed) *Islandskie sagi* [Icelandic sagas]. Moscow: Goslitizdat.
4. Nikolaeva, I.Yu. (2002) *Frantsuzskaya gendernaya identichnost' v istoriko-kul'turnom inter'ere: istoki i osobennosti* [French gender identity in historical and cultural interior: the origins and characteristics]. *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii*. 4. pp. 223–254.
5. Turskiy, G. (1987) *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Moscow: Nauka.
6. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1993) *Zhizneopisaniya trubadurov* [The Lives of the Troubadours]. Moscow: Nauka.

Received: 01 June 2015